

© 2010 г. *О.В. Бондаренко, М.С. Леонова*

РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ЭКСПЛИКАЦИЯ ПОНЯТИЯ

Рассматривается проблема взаимодействия государства и религии, социального индивида и религии. Особое место уделено определению понятия религиозной идентичности. Раскрыты механизмы и критерии религиозной идентичности, субъективирующие причастность к группе, показаны формы вторичной принадлежности через причастность к религиозному сообществу. Актуализирована роль религиозной национальной идентичности, являющейся важным фактором для устойчивого и гармоничного развития любого традиционного, в том числе и современного общества.

Ключевые слова: религия, социология религии, социальные процессы, религиозная идентификация, конфессиональная принадлежность, вероисповедание, социум.

Что происходит с религией и как меняется ее воздействие на общество в контексте тех кардинальных сдвигов, которые происходят на рубеже XXI века. Каким потенциалом обновления обладает сегодня религия? Способна ли она сыграть в культурно-исторических переменах на пути к постиндустриальному обществу роль, сопоставимую с той, которую сыграли мировые религии в рождении из великих культур древности современного мира, или протестантизм в становлении научно-технической цивилизации Запада?

В переломные периоды истории государства, краха привычных социально-политических реалий (например, распад советской державы в корне обесценил значение такой идентичности, как принадлежность к роду «нового советского человека»), в условиях идеологической неразберихи и отсутствия мобилизационной общегосударственной идеи резко возрастает роль традиционных этнокультурных – национальных и религиозных – идентичностей. Очевидно не только научное, но и более широкое, общественное значение этой проблематики. Концепт религиозной идентичности приобретает актуальность в современных исследовательских дискурсах по причине того, что традиционное понятие «вероисповедание» не охватывает все аспекты рели-

гиозной принадлежности. Категория вероисповедания направлена на содержание религиозной веры и, хотя говорит о религиозной принадлежности, но концентрирует внимание преимущественно на институциональных, идеологических (в широком смысле), либо индивидуально-субъективных аспектах религиозных практик. Категория же идентичности задает коммуникативный и социальный модусы религиозности через заложенную в ее структуру принадлежности и соотнесенности. Одно дело – соответствие веры человека определенной вероисповедной системе, а другое – то, каким образом он определяет свою принадлежность в границах наличного конфессионального поля.

Прежде всего нужно развести два понятия, связанные с ответом на вопрос «кто я есть?»: категории идентичности и аутентичности. Контекст раскрытия экзистенциального опыта веры, соотношения с Личным Богом позволяет поставить указанный вопрос как «кто я есть на самом деле?», и, таким образом, задает проблематику аутентичности, то есть проблематику тождественности субъекта и свойственных ему в этом аспекте характеристик. Напротив, проблематика религиозной идентичности фиксирует тождественность субъекта в смысле субъективного осознания своей принадлежности к тому или иному религиозному сообществу, принадлежности внешней, социальной и коммуникативной. Категория принадлежности, таким образом, позволяет исследователю религиозной идентичности абстрагироваться от содержания религиозной веры, да и от самой веры, которая в контексте принадлежности становится только одним из оснований номинации субъекта в религиозном поле.

Таким образом, индивидуальная религиозная идентичность определяется как субъективная причастность к группе, которая имеет следующую структуру: «индивид (субъект) – принадлежность – группа», или, иначе говоря, как субъективное переживание индивидом своей принадлежности к религиозному сообществу. Такое переживание может базироваться на разных основаниях: на религиозной вере, на символических культовых практиках, на принадлежности к группе, формально не религиозного характера, но из принадлежности к которой следует вторичная принадлежность к религиозному сообществу, на идеологических убеждениях, на традициях, ценностях и т. д. Некоторые дефиниции религиозной идентичности вводят дополнительные критерии для ее определения, как, например, мировоззренческое и эмоционально-

ценностное принятие основных принципов и положений какой-то конкретной религиозной системы. Таким критерием может быть и определенный образ поведения в ситуациях с выраженным религиозным контекстом. Однако индивидуальная религиозная идентичность совсем не обязательно отвечает таким критериям. Подобные требования, скорее, выставляются для легитимизации такой самономинации со стороны религиозной группы. Эта легитимизация является важным элементом конструирования индивидуальной идентичности субъекта, которая формируется не только через самоопределение субъекта во внешнем коммуникативном пространстве, но и через признание такой идентичности другими. Это позволяет, пользуясь концепцией стигмы Гофмана, отличать номинальную и фактическую идентичность и влияет не только на идентичность индивидуальную, но и на коллективную идентичность группы, к которой себя относит субъект и которая признает такую отнесенность как действительную. Об этом говорят Ф. Барт, и Ю. Хабермас, утверждавшие, что индивидуальная идентичность, а именно собственная концепция себя самого, может быть устойчивой только в том случае, если субъект получает подтверждение. Такое подтверждение получается при взаимодействии субъекта и его референтной группы.

Однако в случае идентичности религиозной часто встает вопрос – а кто со стороны той референтной группы, с которой отождествляет себя индивид, принимает номинальную идентичность? Кто принимает маркировку, номинацию? Согласно мнению О.Н. Шпараги [1], понятие сообщества становится ключевым вместе с понятием идентичности, так как именно солидарность позволяет субъекту чувствовать свою общность с другими людьми.

Таким образом, появляется необходимость исследования референтных групп, а также коллективной идентичности как идентичности социальных групп. Эмпирическая действительность таких коллективных субъектов зависит от идентификации со стороны личностей, из которых формируется определенный коллектив. Исследователь А. Мелуччи [2], разрабатывая концепт коллективной идентичности, отмечает, что референтная или эталонная группа может быть как реальной социальной группой, так и группой мнимой, которая является результатом социального моделирования.

В связи с групповой идентичностью нужно указать на две проблемы. Во-первых, какой характер имеет группа – реальный или мнимый

(виртуальный). Во-вторых, каким образом группа навязывает мнимую индивидуальную идентичность через номинацию на определенных основаниях, заданных либо идентичностью группы, либо требованиями, которые она выставляет для принадлежности к ней, что в религиозных сообществах регламентируется довольно жесткими критериями. Можно даже выявить обратное направление идентификации уже не в модели «индивид – принадлежность – референтная группа», но в структуре «религиозная организация – принадлежность – референтный субъект». По такой модели религиозная организация включает в себя тех субъектов, которые определенным образом позиционируются по отношению к этой организации самой этой организацией, причем субъективно переживаемая идентичность далеко не всегда может совпадать с приписываемой извне.

Вопрос об определении религиозной идентичности как в теоретическом, так и в практическом смыслах не оставляет равнодушным многих исследователей в социологии религии. В этой связи необходимо рассмотреть идеи, высказанные в статье О.Е. Казьминой [3]. Автор предпринимает попытку анализа феномена религиозного сознания молодежи. Резонно отмечая, что традиционные объективистские методы измерения религиозности (чаще всего основанные на подсчете участия в тех или иных религиозных практиках) дают, особенно в отечественной молодежной выборке крайне низкие показатели, О.Е. Казьмина предложила определять религиозность, и даже конфессиональность, как определенную форму идентичности. К сожалению, она не дает своего понимания этого понятия (говоря лишь о его связи с этнической идентичностью, впрочем, не уточняя характер этой связи). Между тем, его значение в гуманитарных науках далеко не однозначно. С одной стороны, идентичность рассматривается как результат идентификации личности с определенной группой, принятие ею групповых норм, ценностей и т.д. [4]. С другой стороны, огромное влияние на гуманитарные науки оказала теория Э. Эриксона, в которой идентичность – это целостная характеристика индивида, его самоопределение, как результат целой серии социальных и личностных не только идентификаций, но и выборов. К сожалению, в современных науках понятие идентичности часто теряет свою характеристику целостности, распадаясь на множество частных идентичностей (гендерная, профессиональная, национальная и т.д.).

В любом случае для определения религиозной идентичности необходимо определить, с чем собственно идентифицирует себя та или иная личность, в чем эта идентичность проявляется, и как это влияет на ее развитие. Анализ исследований религиозности отечественных социологов позволяет утверждать, что хотя большинство молодых людей в российской провинции и определяет себя как православных, говорить об их православной идентичности как результате идентификации с православными нормами, ценностями, и тем более догматами – невозможно. Если же мы будем говорить об идентичности в эриксоновском понимании данного понятия, то мы вынуждены констатировать, что в этом случае речь может идти только о диффузной, размытой идентичности – состоянии, когда индивид еще не сделал ответственного выбора, (в особенности мировоззренческого), что делает его образ Я расплывчатым и неопределенным. Этот тип идентичности по Эриксону является патологическим.

В этой связи, на наш взгляд, можно говорить о глубочайшем идентификационном кризисе в современном российском обществе, институтам которого приходится решать вопрос о том, кем являются ее граждане в религиозном отношении. Считающие себя православными являются ли таковыми в церковном понимании этого слова, ведь тот, кто не знаком и не желает знакомиться с догматами Церкви, индифферентен к Таинствам и не видит разницы между православием и другими конфессиями. Поощрение практик, приводящих к нарушению, как минимум, церковной традиции, во имя симфонии с государством, так же не может привести к формированию гармоничной конфессиональной идентичности, а приведет лишь к дальнейшей диффузии религиозной идентичности православных в российском обществе.

Трудно согласиться с точкой зрения О.Е. Казьминой, что идентичность может служить критерием оценки религиозности и тем более конфессиональности общества – далеко не каждое проявление веры (или суеверия) может быть отнесено к манифестации религиозной и тем более конфессиональной идентичности. В тоже время, анализируя разные аспекты современной религиозной ситуации в России, О.Е. Казьмина приходит к заключению о тесной связи между религиозностью и этничностью. Без учета сопряженности религиозной и этнической идентичности невозможно понять многие другие аспекты религиозной ситуации в стране (например, проблему прозелитизма

или формирование религиозного законодательства) и адекватно их оценить. Эта связь – характерная и исторически присущая черта религиозной ситуации в России, где традиционно существовала корреляция между религиозной и этнической принадлежностью [3].

В настоящее время приобретают особую значимость механизмы защиты религиозной идентичности. Человечество в своей истории показывает нам множество примеров защиты религиозной идентичности рядом разнообразных средств: политических, экономических, и военных. Как показывает практика, развитые страны стараются обеспечить ее на всех уровнях, включая и внутривнутриполитический. Большинству из них присущи государственная поддержка традиционных конфессий и достаточно жесткие ограничения на деятельность иностранных миссионеров. Прослеживается тенденция к обозначению более четких границ понимания социумом своих интересов и формирования культурного и религиозного самосознания. В связи с этим в современном мире наблюдаются набирающие силу процессы, противоположные глобализации. Набирающая силу исламская цивилизация противопоставила глобальному тоталитаризму стихийную форму защиты – глобальный терроризм. Мировое сообщество разделилось на страны, преследующие религиозную идентичность и защищающие ее. Россия фактически относится к категории защищающих, не имея особых экономических преимуществ мощи и безграничного военного потенциала, поэтому только грамотная и адекватная политика поможет занять выигрышную позицию между Западом и исламской цивилизацией, не ущемляя своей религиозной идентичности.

Религиозная национальная идентичность является важным фактором для устойчивого и гармоничного развития любого традиционного, в том числе и современного общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шпарага О.Н.* Кто он, Другой ? (экскурс в феноменологию видимого мира) // Философско-культурологический журнал «Топос». 2001. № 1(4).
2. *Melucci A.* Social movements and the democratization of everyday life // Civil society and the state. Social movements in complex society. London: 1989.
3. *Казьмина О.Е.* Русская православная церковь и проблемы идентичности, религиозного законодательства и прав человека в современной России // Этнографическое обозрение, 2009 , № 1.
4. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М., 1996.

*Южно-Российский государственный
технический университет*

14 декабря 2010 г